

УДК 165.21

DOI: 10.17223/1998863X/64/6

И.Н. Нехаева

UNAUSSPRECHLICHES ВИТГЕНШТЕЙНА: О ЧЕМ НЕВОЗМОЖНО СКАЗАТЬ, О ТОМ НЕВОЗМОЖНО СКАЗАТЬ ЯСНО

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
№ 22-28-02052, <https://www.rscf.ru/project/22-28-02052/>

В статье представлен оригинальный взгляд на 'невыразимое' (Unausprechliches) Витгенштейна как на то, что не может быть произнесено, но лишь показано в используемых нами символах. Автор приходит к выводу, что такого рода показывание возможно только при допущении в области символического собственного механизма выражения – оптического, которое 'делает видимым' для нас то, что оказывается 'невыразимым' средствами знаковой артикуляции.

Ключевые слова: *Витгенштейн, оптическое, сказывание, показывание, знак, символ*

Понятие 'видеть' представляется смутным.

Да оно такое и есть.

Л. Витгенштейн. Философские исследования

Основной тезис, который мы будем отстаивать, следующий: если вы о чем-то говорите, но при этом у вас нет ясности сказанного (или иногда говорят, что вы не обладаете отчетливым видением этого), то на самом деле вы ни о чем таком не говорите, вы вообще не говорите о том, о чем собирались сказать, потому что ваш взгляд затуманен и вы не видите ясно то, что собирались описывать. На это можно возразить: своим высказыванием вы имели намерение передать некоторое значение – и вам это, безусловно, удалось; вы высказывались посредством предложений, которые в свою очередь не могли обойтись без знаков (слов), а применение последних не могло не дать вам некоторого значения¹, которое всегда более или менее понятно (особенно в случае носителей языка). Иными словами, было бы совершенной ерундой, с вашей точки зрения, настаивать на том, что произнесенных вами предложений недостаточно для полной ясности сказанного. Но *понять* здесь как раз не означает сделать что-то *ясным*; понимание, скорее, указывает на наше согласие вступить в некоторую связь с чем-то (или кем-то) иным, другим. Мы пытаемся это интерпретировать и рано или поздно достигаем некоторой степени понимания – слов, состояний, чувств, реакций и т.д.

Действительно, мы можем согласиться с тем, что предложение (если оно истинно) *показывает* нам реальное положение вещей². Однако из-за своего

¹ Витгенштейн подчеркивает, что свою работу знак выполняет только в случае своего применения. ЛФТ § 3.328: «Если знак не применяется, то он не имеет значения» [1. С. 66]. Ср. также с этим: «то, что отличает один знак от других, и есть все то, что его составляет» [2. С. 154].

² ЛФТ §4.022: «...предложение показывает свой смысл. Предложение показывает, как обстоит дело, если оно истинно. И оно говорит, что дело обстоит так» [1. С. 78].

способа *выражения*¹, оно гораздо быстрее вовлекает нас в процесс слушания, нежели в целостное схватывание образа всего происходящего². Когда мы *только видим* предложение (в письменной форме), не читая его, мы не извлекаем из этого предложения того, что нам обычно нужно, а именно – сообщения. Поэтому чтобы *быть*, предложение должно быть произнесено (не важно, вслух или про себя). Особую роль здесь, конечно же, играют звуковые *изменения*, поскольку звук, являясь материальным свойством знака, быстро и легко подчиняет себе разум, влияет на него и задает ему нужное направление³. Именно поэтому Жан-Жак Руссо в своей известной работе *Опыт о происхождении языков* подчеркивает особую роль музыки – в отличие, к примеру, от живописи, которая, по его словам, «часто изображает мертвые и неодушевленные предметы»⁴ [4. С. 260]; музыкант же, хотя и «не изобразит непосредственно все эти вещи, но возбudit в душе те же чувства, которые мы испытывали при их виде» [Там же. С. 261].

Таким образом, первостепенное значение Руссо придавал *воздействию* на чувства людей со стороны движения и голоса, но он также настаивал и на том, что «видимые знаки воспроизводят мысль более точно» [Там же. С. 224]. Такая их точность прежде всего обусловлена *схематизмом*⁵ изображения, а поскольку схема не столько говорит, сколько делает возможным переход от одного действия к другому (например, от ‘говорения’ к ‘показыванию’), то схема является идеальным инструментом конструирования *образа* действительности, суть которого в том, что это – *логический* образ, а предложения служат тому, чтобы отражать в себе логическую форму или показывать ее⁶. Рэй Монк в своей работе *Витгенштейн. Долг гения* приводит занимательный пример с автомобильной аварией, вернее, схемой этой аварии, представленной в суде, о которой Витгенштейн прочитал в одном из журналов. Его поразила схожесть, усматриваемая между ‘графическим’ и ‘логическим’: «как рисунок или живопись изображают нечто графически, так предложение изображает логически» [6. С. 133]. Предполагается, что схожесть, которую передает логическая структура, и является тем, что есть общего между предложением и реально складывающимся положением дел; именно общая структура, согласно Витгенштейну, позволяет языку *воссоздавать* реальность че-

¹ ЛФТ § 3.251: «...предложение членораздельно произносится» [1. С. 58].

² ЛФТ § 4.011: «...на первый взгляд, по-видимому, предложение – например, как оно напечатано на бумаге – не является образом действительности, о которой оно говорит. Но ведь и ноты тоже не кажутся на первый взгляд образом музыки, и наши фонетические знаки (буквы) не кажутся образом нашей устной речи. И все же эти символические записи даже в обычном смысле слова оказываются образами того, что они изображают» [Там же. С. 74]. Ведь образ показывает то, что он изображает.

³ По мнению Фердинанда де Соссюра, «все происходит независимо от разума, в сфере звуковых изменений, которые быстро и полностью подчиняют разум и задают ему особое направление, обусловленное материальными свойствами знаков» [3. С. 98].

⁴ Идеальным примером в этом случае может стать натюрморт (от франц. *nature morte* – мертвая природа). Несмотря на кажущуюся простоту и примитивность, сам натюрморт может восприниматься как некая схожая с языковой структурирующая структура. В качестве цели натюрморта можно предположить выстраивание некоторой композиции из неодушевленных предметов – именно здесь возникает аллюзия с языковым действием, в ходе которого эти предметы подменяются знаками (как отмечал Августин, «знак есть предмет, иначе он был бы ничем»). Таким образом, сам натюрморт выступает в роли способа по упорядочиванию входящих в него предметов.

⁵ С точки зрения Канта, «формальное и чистое условие чувственности, которым рассудочное понятие ограничивается в своем применении, мы будем называть схемой этого рассудочного понятия, а способ, каким рассудок обращается с этими схемами, – схематизмом чистого рассудка» [5. С. 124].

⁶ Подробнее об этом см.: ЛФТ § 4.121 [1. С. 92].

рез образ, который складывается за счет того, что предложение либо *согласовывается* с действительностью, либо не согласовывается. Здесь явно намечается разрыв между Руссо (акцентирующим роль движения и голоса в воздействии на чувства людей) и Витгенштейном с его все подчиняющей себе логической формой.

И тем не менее такая ‘согласованность с действительностью’, складывающаяся при изображении, или воссоздании реальности¹, лишает нас живости переживания, – мы чувствуем, как это искривляет наше восприятие, в основном, из-за недостатка реальности. Подчеркивая большую живость (в медиальности) именно показывания (нежели сказывания), Руссо отмечает: «То, что древние высказывали с наибольшей живостью, они передавали не словами, а знаками; они не говорили, а показывали. Самый энергичный язык тот, где знак говорит все до начала речи». Получается, что знак сам по себе, обладая сильной и живой способностью к *показу*, сохраняет живость благодаря обнаружению себя самого (для себя же, показывая себя) и для других знаков – для себя и для них. Иными словами, знак начинает действовать в окружении других знаков, а возникающий при этом эффект *зеркального* отражения дает выход *оптической* природе знака, цель которой не означать (т.е. быть приверженным к чисто логическому), а *выражать* (как это делает, например, музыка).

Возьмем известный пример с утку-кроликом². Витгенштейн рассуждает следующим образом: «Я вижу совершенно определенное выражение лица, которое называю выражением лица кролика, – и совершенно другое выражение, которое я называю выражением лица утки». Позволь мне называть первое просто А, а второе – Б: как я теперь смогу объяснить кому-нибудь значение А и Б, никак не ссылаясь на кролика или утку? Это было бы возможно, например, *так*: я говорю ему ‘А’ и имитирую выражение лица кролика и т.д.» [9. С. 19]. В повседневной жизни мы находимся как бы внутри картины, или в ‘здесь и сейчас’ некоторого положения дел: мы занимаем некую позицию, или точку *зрения*, но, как отмечает Витгенштейн, наши глаза не видят самих себя (ЛФТ § 5.633, § 5.6331 [1. С. 176]), они сами не в поле нашего зрения, поэтому мы видим только то, *на что* мы смотрим, и не видим то, *чем* мы смотрим³. Именно поэтому мы не способны преодолеть границу языка, поскольку «Я вступает в философию благодаря тому, что ‘мир есть мой мир’» (ЛФТ § 5.641 [Там же. С. 178; курсив мой. – И.Н.]. В том числе «это связано с тем, что ни одна часть нашего опыта не является также априорной. Все, что мы видим, может быть также другим» (ЛФТ § 5.634 [Там же. С. 176]). Получается, что *граница мира*⁴ и есть то, что дает нам возможность не соскальзывать в мир, не становиться частью мира, удерживаясь ‘на поверхности вещей’; это также позволяет нам как бы переключаться с одного слоя на другой

¹ Джон Бергер следующим образом комментирует связь между изображением и видением: «Изображение – это воссозданное видение. Это явление (или множество явлений), изъятое из пространства и времени, где оно впервые явилось, и сохраненное – на несколько мгновений или на несколько веков» [7. С. 11].

² Подробное описание самого примера и рисунок см.: [8. С. 278].

³ Подобным образом ведут себя и наши предложения. ЛФТ §3.13: «Предложению принадлежит все то, что принадлежит проекции; но не проецируемое. Следовательно, – возможность проецируемого, но не оно само» [1. С. 52].

⁴ В терминах Витгенштейна – метафизический субъект (ЛФТ §5.641 [Там же. С. 178]).

(поэтому все может быть иным). Для этого хотя бы что-то одно должно оставаться тем же самым, и в нашем случае это – метафизический субъект, граница мира, или линия, вырисовывающая утку-кролика, которая всегда постоянна, но именно она позволяет нам видеть то утку, то кролика¹. Но показывать само *изменение* (дабы все могло быть иным) и означало бы ‘делать видимым’² – и делать это исключительно потому, что оптическое³ (линия, за которой закреплен метафизический субъект) нацелено на схватывание *способов* выражения знака⁴.

Но зачем нам непременно требуется схватить изменение? Это даст нам доступ к *символическому*⁵, и не столько даже с точки зрения вопроса, поставленного Витгенштейном в работе *О достоверности* [15. С. 328], – как нам удастся прийти к основополагающим достоверностям, закрепленным в языке, сколько с позиции, скорее акцентирующей эстетическую суть вопроса, а именно, *как* это работает. Ведь *точное* описание символического – невыполнимая задача⁶, поэтому наиболее существенным здесь становится не столько обоснование достоверного знания, сколько сам *процесс* его обретения и схватывание этого процесса [17. С. 244]. Как известно, Альфред Уайтхед непосредственно сам акт опыта уже относил к символическому, которое, по его мнению, суть собственно выражение: «Кажется, что человечество ищет символ, чтобы выразить себя. И действительно – ‘выражение’ есть ‘символизм’» [18. С. 46]. Именно такой поиск возможности для выражения, подобный оп-

¹ Здесь мы, конечно же, не достигаем, но, как кажется, существенно продвигаемся навстречу Вальтеру Бенъямину в его настойчивом требовании так называемого ‘адамического языка’. В своей так и не защищенной диссертации Бенъямин предъявляет научному сообществу и в целом всей современной философии языка серьезные обвинения, в частности, связанные с непростительной оплошностью с их стороны, а именно – допущением принципиальной произвольности языковых знаков (весьма иронично об этом пишет Вольфрам Айленбергер [10. С. 217–235]. Такому допущению он противопоставляет концепцию ‘райского’, или ‘адамического’ языка, где имена и знаки вещей устанавливались бы не в произвольном, а в необходимом (сущностном) отношении к означаемому. Причина – в первостепенности языковой медиальности, позволяющей человеку посредством называния окружающих его вещей познавать их и себя, а не просто сообщать некую информацию: «Адамическое именование столь далеко от того, чтобы быть игрой и произволом, что именно в нем находит свое подтверждение райское состояние как таковое, которому еще не было нужды бороться с означением слова, предназначенным для сообщения» [11. С. 17].

² По аналогии с тем, как Пауль Клее, используя данный оборот, определяет искусство: «Искусство не воспроизводит видимое, а делает видимым» [12].

³ Интересно, что оптическое вбирает в себя как то, что Витгенштейн называет ‘существенными’ чертами предложения, – это то общее, что есть у всех предложений (например, логическая форма), так и то, что именуется им как ‘случайные’ черты предложения (ЛФТ §3.34 [1. С. 68]). Все дело в том, что оптическое не есть требование общего, не есть также некоторая функция, но это – возможность схватывания происходящих здесь и сейчас изменений в наблюдении.

⁴ Традиционно принято считать, что творчество Витгенштейна следует разделять на два периода – ‘ранний’ и ‘поздний’. Однако нам ближе так называемое решительное прочтение Витгенштейна, инициируемое Джеймсом Конантом и Кором Даймондом. Соответственно, для нас важнее допущение самых смелых интерпретаций взглядов Витгенштейна, нежели принятие ортодоксальных, которые могут быть использованы, с нашей точки зрения, лишь для удобства и ситуативно, – следовательно, они не имеют под собой никаких фундаментальных оснований (даже несмотря на то, что, как иронично отмечает Конант, «каждый образованный человек, конечно, знает, что существует два Витгенштейна» [13. Р. 32]). Анат Билецки также утверждает, что «строгие требования Витгенштейна не являются алгоритмами, это не процедурные правила и не четкие рецепты...» [14. Р. 17].

⁵ Под символическим мы будем понимать одновременно нашу внутреннюю убежденность, например, в существовании некоторого предмета и того, как именно мы пришли к этой убежденности в момент произнесения предложения, констатирующего факт существования этого предмета.

⁶ По мнению Сергея Никоненко, «значение символа не может быть точно определено и является открытой структурой» [16. С. 39].

тическому подкручиванию, и вводит нас в поле символического, одновременно образуя само это поле как нечто общее – связь знака с устанавливающимися здесь и сейчас правилами логического синтаксиса; это своего рода момент узнавания (оптического) специфики той практики, в которую мы вовлечены.

Литература

1. Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М. : Канон + РООИ Реабилитация, 2008.
2. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. М. : Прогресс, 1977.
3. Соссюр Ф. де. Заметки по общей лингвистике. М. : Изд. группа «Прогресс», 2001.
4. Руссо Ж.-Ж. Опыт о происхождении языков // Избранные сочинения. М. : Гос. изд-во худ. лит., 1961. Т. 1. С. 221–267.
5. Кант И. Критика чистого разума. М. : Мысль, 1994.
6. Монк Р. Людвиг Витгенштейн. Долг гения. М. : Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2018.
7. Бергер Дж. Искусство видеть. СПб.: Клаудберри, 2018.
8. Витгенштейн Л. Философские исследования // Философские работы. Ч. 1. Гл. XI. М. : Гнозис, 1994. С. 75–319.
9. Витгенштейн Л. Заметки о психологии философии. М. : Дом интеллект. книги, 2001. Т. 1.
10. Айленбергер В. Время магов. Великое десятилетие философии. 1919–1929. М. : Ад Маргинем Пресс : Музей современного искусства «Гараж», 2021.
11. Беньямин В. Происхождение немецкой барочной драмы. М. : Аграф, 2002.
12. *Schöpferische Konfession* / Red. K. Edschmid. Berlin : Erich Reiß Verlag, 1920. S. 28–40. URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/1/1c/Schoepferische_Konfession_-_Paul_Klee.pdf (accessed: 17.10.2019).
13. Conant J. Mild Mono-Wittgensteinianism // Wittgenstein and the Moral Life Essays in Honor of Cora Diamond / ed. Alice Crary. Cambridge : MIT Press, 2007. P. 31–142.
14. Biletzky A. (Over)Interpreting Wittgenstein / ed. J. Symons. New York : Springer Science+Business Media, 2003.
15. Витгенштейн Л. О достоверности // Философские работы. Ч. 1. М. : Гнозис, 1994.
16. Никоненко С. Генезис символического анализа // Вестник СПбГУ. Серия 17. 2015. Вып. 1. С. 39–43.
17. Никоненко С. Витгенштейн и лингвистическая философия в контексте отечественной философской мысли. СПб. : Изд-во РХГА, 2018.
18. Уайтхед А. Символизм, его смысл и воздействие. Томск : Водолей, 1999.

Iraida N. Nekhaeva, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation).

E-mail: i.n.nekhaeva@utmn.ru

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya – Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2021. 64. pp. 57–62

DOI: 10.17223/1998863X/64/6

WITTGENSTEIN'S UNAUSSPRECHLICHES: WHAT CANNOT BE SAID, CANNOT BE SAID CLEARLY

Keywords: Wittgenstein; optical; seeing; showing; sign; symbol

The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 22-28-02052.

The article argues that the clarity of linguistic terms that Ludwig Wittgenstein talks about in *Tractatus* ('...what can be said at all can be said clearly...') does not depend on understanding their meaning, but it has in fact an optical nature. It is assumed to be related to the action of the sign, where the production of meaning becomes possible only in company with other signs. Meaning here plays the role of a regulator of the coherence for signs in order that some factuality (eventuality) takes place (or not). In the very action of the sign, its optical properties are revealed – it displays other signs in itself and is simultaneously displayed in them. This malleability and plasticity of the sign is due to its sensually perceived nature. The optical action of the sign creates a symbolic field, which assumes the role of a meaning conductor. The symbolic emerges as something generic, as the moment when the sign is linked to the rules of logical syntax (otherwise, the arbitrariness of the sign would not allow language to be filled with meaning). It is an expression of agreement to follow a certain attitude (or rule). What matters, however, is not so much the grasping of the content of this attitude per se, but

rather the way in which we grasp it – because that is how we follow a rule, not in any other way. And here Wittgenstein's 'spade' bends under the heavy burden of grounds, finally reaching 'bedrock' and forcing us to say, 'This is simply what I do' (PI, § 217). For Wittgenstein, the role of such 'bedrock' is played by the symbol, which blocks any possibility of its own linguistic expression by the usual means of articulation. The reason for this is the symbol's absolute indifference to its own meaning, the symbol describes only itself, increasing the importance of what is symbolized. This mechanism of 'seeing' the symbol into itself while preserving the obscurity of meaning and simultaneously demanding the clarity of what is eventuating, gives us actual manifestations of the optical nature of the symbol. The optical triggers the function of symbolization by implicitly influencing our sensibility. The optical focusing (gathering) of our sensibility into a single focus enables the symbol to express its instinctive powers, thus making them obvious to us. The gaps between the binding and destructive powers of symbolization are revealed by differentiation and demarcation of these instinctive powers. The optical possibilities of the symbol open in the sign a capacity to distinguish objects in a special way, where 'seeing' does not mean 'understanding' or 'describing' but only 'making visible'; and 'making visible' also means seeing.

References

1. Wittgenstein, L. (2008) *Logiko-filosofskiy traktat*. [Tractatus Logico-Philosophicus]. Translated from German. Moscow: Kanon+.
2. Saussure, F. de. (1977) *Trudy po yazykoznaniyu* [Works in Linguistics]. Translated from French. Moscow: Progress. 695 pp. (In Russian).
3. Saussure, F. de. (2001) *Zametki po obshhey lingvistike* [Notes on General Linguistics]. Translated from French. Moscow: Progress.
4. Rousseau, J.-J. (1961) *Izbrannye sochineniya* [Selected Works]. Vol. 1. Translated from French. Moscow: Gos. izd-vo khud. lit. pp. 221–267.
5. Kant, I. (1994) *Kritika chistogo razuma* [Critique of Pure Reason]. Translated from German. Moscow: Mysl'.
6. Monk, R. (2018) *Lyudvig Vitgenshteyn. Dolg geniya* [Ludwig Wittgenstein. The Duty of Genius]. Translated from English. Moscow: Delo.
7. Berger, J. (2018) *Iskusstvo videt'* [Ways of Seeing]. Translated from English. St. Petersburg: Klaudberri.
8. Wittgenstein, L. (1994) *Filosofskie raboty* [Philosophical Works]. Vol. 1. Translated from German. Moscow: Gnozis. pp. 75–319.
9. Wittgenstein, L. (2001) *Zametki o psikhologii filosofii* [Remarks on the Philosophy of Psychology]. Vol. 1. Translated from German. Moscow: Dom intellekt. knigi.
10. Eilenberger, W. (2021) *Vremya magov. Velikoe desyatiletie filosofii. 1919–1929* [Time of the Magicians. The Great Decade of Philosophy. 1919–1929]. Translated from English. Moscow: Ad Marginem Press; Garazh.
11. Benjamin, W. (2002) *Proiskhozhdenie nemetskoj barochnoy dramy* [The Origin of German Tragic Drama]. Translated from German. Moscow: Agraf.
12. Edschmid, K. (ed.) (1920) *Schöpferische Konfession*. Berlin: Erich Reiß Verlag. pp. 28–40. [Online] Available from: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/1/1c/Schoepferische_Konfession_-_Paul_Klee.pdf (Accessed: 21st August 2021).
13. Conant, J. (2007) Mild Mono-Wittgensteinianism. In: Cray, A. (ed.) *Wittgenstein and the Moral Life Essays in Honor of Cora Diamond*. Cambridge: MIT Press. pp. 31–142.
14. Biletzky, A. (2003) *(Over)Interpreting Wittgenstein*. New York: Springer Science+Business Media.
15. Wittgenstein, L. (1994) *Filosofskie raboty* [Philosophical Works]. Vol. 1. Translated from German. Moscow: Gnozis. pp. 321–405.
16. Nikonenko, S. (2015) Genezis simvolicheskogo analiza [The Origin of Symbolical Analysis]. *Vestnik SPbGU – Vestnik of Saint-Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*. 1. pp. 39–43.
17. Nikonenko, S.V. (2018) *Vitgenshteyn i lingvisticheskaya filosofiya v kontekste otechestvennoy filosofskoy mysli* [Wittgenstein and linguistic philosophy in the context of Russian philosophical thought]. St. Petersburg: Russian Christian Academy of Humanities.
18. Whitehead, A. (1999) *Simvolizm, ego smysl i vozdeystvie* [Symbolism: Its Meaning and Effect]. Tomsk: Vodoley.